

**РЕПРЕССИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРОТИВ КРЕСТЬЯНСТВА ДАГЕСТАНА
В 20–30-е ГОДЫ XIX в.**

После победы Октябрьской революции (1917 г.) на II съезде Советов глава Советского правительства В.И. Ленин провозгласил Декрет «О земле», по которому вся земля была обращена в собственность всего народа. Ленинский декрет был направлен против помещиков и кулаков-владельцев огромных земель. Их В.И. Ленин считал врагами советской власти и революции.

Изучение исторического опыта проведения коллективизации крестьянства в России в 1927–1940 гг. на протяжении многих лет было важным направлением отечественной науки.

Опубликованные документы по истории индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в Дагестане свидетельствуют о том, что сельское хозяйство республики развивалось более медленно, чем промышленность. Это вело к дальнейшему увеличению разрыва между промышленностью и сельским хозяйством. Если валовая продукция промышленности Дагестана к 1926–1927 г. выросла вдвое по сравнению с 1913 г. (98,8 процента), то производство зерна составило, лишь 46,7 процента довоенного уровня (*Османов А.И.*, 1972. С. 15). Средний урожай зерновых в 1913 г. составил: пшеницы 4,5 центнера, кукурузы 6,1 центнера с одного гектара (*Абуев М.*, 1959. С. 5).

В наследство от прошлого Советская власть получила в Дагестане отсталое, разрушенное сельское хозяйство. В этих условиях партия большевиков приняла решение о кооперировании крестьянских хозяйств с последующим созданием крупных коллективных хозяйств как наиболее оптимальный вариант привлечения крестьянства на сторону Советской власти и на этой основе ликвидации эксплуататорских классов.

Наиболее крупными исследованиями, посвященными истории социалистического переустройства сельского хозяйства в Советской стране являются труды Б. Абрамова, И.Г. Булатова, В.П. Данилова, М.А. Краева, П.И. Лященко и др. (*Абрамов Б.*, 1956; *Булатов И.Г.*, 1960, *Данилов В.П.*, 1957, *Краев М.А.*, 1954, *Лященко П.И.*, 1956.). Вопросы социалистической реконструкции сельского хозяйства Дагестана освещены в работах А.Г. Гаджиева, Г.Д. Даниялова, Н.В. Данияловой, Г.Г. Османова, А.И. Османова и др. (*Гаджиев А.Г.*, 1959, *Даниялов Г.Д.*, 1960, *Даниялова Н.В.*, 1962, *Османов Г.Г.*, 1961, *Османов А.И.*, 1968, *Историко-географическая характеристика...*, 2006. С. 334–587). История советского крестьянства Дагестана освещена в двухтомном издании «История Дагестана с древнейших времен до наших дней».

Тема сопротивления крестьянства политике насильственной коллективизации в Дагестане нашла отражение в ряде монографий, сборников документов и статей (*Ивницкий Н.А.*, 1994; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. 2000. Т. 2. М. С. 279, 803, 324, 326; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. 2001. Т. 3. М. С. 350; Советская деревня глазами ВЧК, ОГПУ, НКВД. 2003. Т. 3. Кн. 1. М., С. 780, 783, 779, 780, 783, 784; Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. 2007. Махачкала; Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР в двух частях. 1927–1940. 1978. Махачкала), однако все еще остается малоизученной. В данном изложении мы попытались охарактеризовать основные формы сопротивления крестьянства Дагестана в 1929–1935 гг.

В соответствии с постановлением СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств», в которых должен применяться «Кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 г. к кулацким хозяйствам относились все крестьянские хозяйства обладающие одним из следующих признаков: а) хозяйства, применяющие наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарных промыслах; б) хозяйства имеющие мельницу, маслобойку или крупорушку; в) хозяйство, систематически сдающие в наем сложные сельхозмашины, или отдельное помещение под жилье или предприятие; д) если члены семьи занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеет другие нетрудовые доходы (*Коллективизация и антиколхозные выступления...*, 2007. С. 23).

В дагестанском доколхозном ауле наблюдался чрезвычайно сложный состав населения. Дагестанский аул вплоть до второй половины 20-х гг. XX в. состоял из помещиков, крупных барановодов-полуфеодалов, кустарей, ростовщиков и других социальных слоев. В ходе

проведения коллективизации, земельно-водной реформы к концу 30-х гг. наиболее крупная верхушка патриархально-феодалных элементов Дагестана была ликвидирована.

Составляя незначительное меньшинство в общей массе сельского населения, кулачество располагало мощной экономической базой. Если в среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 4,98 га земли, то каждое кулацкое хозяйство имело 34,6 га или в семь раз больше (Османов Г.Г., 1965. С. 162).

Накануне массовой коллективизации сельского хозяйства кулачество Дагестана представляло значительную силу. Позиции кулачества Дагестана усиливались существующими остатками феодально-патриархальных форм эксплуатации.

Причиной этого являлось, то, что в период после Октябрьской революции и в ходе гражданской войны в Дагестане оно не было задето Советской властью в такой мере, как в центральных районах страны. Классовое деление внутри дагестанского крестьянства еще не назрело и не вылилось наружу в такой степени, как это было в других регионах России.

Так, осуществление декрета социализации земли затруднялось тем, что он не был до конца последователен – он не касался вакуфной собственности, значительную долю которой составляла земля.

Таким образом, исторические и социально-экономические особенности развития Дагестана, незавершенность аграрной революции, наличие патриархально-феодалных пережитков, сильное влияние мусульманской религии, многонациональность, плохие пути сообщения затрудняли социалистическую реконструкцию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса, и партия все больше убеждалась, что покончить с нищетой и эксплуатацией можно только объединившись в коллективные хозяйства. Поэтому XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) выдвинул как первоочередную задачу объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективные.

Подготовка условий для ликвидации кулачества как класса требовала подведения под сельское хозяйство современной машинной техники, обеспечения этой техникой трудящиеся слои крестьян, объединенные в коллективные хозяйства. Все возрастающее снабжение крестьян машинами избавляло их от кулацкой эксплуатации. Огромную роль в укреплении бедняцко-крестьянских хозяйств и ограничении их от кулацкой эксплуатации сыграла льготная налоговая политика Советского государства. ЦИК и СНК СССР 21 апреля 1928 г. приняли новый закон о едином сельхозналоге на 1928/1929 г. предусматривающий усиление льгот коллективным хозяйствам и резкое увеличение налога на сельскую буржуазию.

Особенно большим злом, принимающим угрожающий характер, было скрывание объектов обложения сельхозналогом, к которому очень часто прибегали кулацкие элементы. В аулах Чуртах Лакского, Кудали Гунибского и Нижний Дженгутай Буйнакского районов были выявлены факты снижения налогов на кулацкие хозяйства и, наоборот, повышения на бедняцких. Принятые меры властных структур позволили уточнить объекты обложения.

Одним из первых мероприятий Советской власти была национализация земли и передача ее трудовому крестьянству. Хотя государство запретило арендовать земли и использовать наемный труд, практика показала в интересах бедноты необходимость разрешить аренду земли. Земельный кодекс 1922 г. уже допускал аренду земли, правда, на условиях обработки силами арендующего. Но тут же Советское государство вводило определенные ограничения, направленные против оживления кулацкой эксплуатации деревни.

Изъятие вакуфных земель у мечети встречало сопротивление мусульманского духовенства против Советской власти. Чувствуя это, духовенство искало союзника в борьбе против Советской власти и нашло его в лице кулачества. Духовенство, которое все еще пользовалось своим влиянием на население Дагестана, успешно вело агитацию против изъятия вакуфов.

В ряде районов республики без соответствующей разъяснительной работы среди верующих и с их якобы согласия закрывались мечети и использовали их под склады, культурно-бытовые и другие учреждения. В одном только Касумкентском районе, например, с 1929 г. по февраль 1930 г. подобным образом были закрыты 48 мечетей (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 9. Д. 164. Л. 43; Какагасанов Г.И., 2011. С. 177).

Ошибки и перегибы при закрытии мечетей и других культовых зданий использовались духовенством для организации и подготовки к выступлениям против Советской власти, создания кресткомов, изъятия вакуфов. В 1928–1930 гг. было зафиксировано до 15 открытых выступлений против конфискации вакуфов (Османов А.И., 1972. С.48).

Следует также отметить, что проводимая в 20–30-е гг. XX в. политика переселения горцев на равнину показала, что с гор переселялась наиболее революционная часть горского населения, что не могло не отразиться на положении Советской власти в горах. Это было на руку кулакам для усиления своих позиций в дагестанском селе.

При проведении земельно-водной реформы были также допущены серьезные недостатки. В план не были включены вопросы ликвидации помещичьего землевладения и урезка земельных излишков у кулаков.

В связи с тем, что к апрелю 1929 г. был разработан новый план земельно-водной реформы, который предусматривал ликвидацию остатков помещичьего землепользования и изъятия излишков земли сверх нормы у кулацких хозяйств.

II сессия ЦИК ДАССР VII созыва, состоявшаяся в сентябре 1929 г. поручила Президиуму ЦИК ДАССР провести ликвидацию помещичьих землевладений и изъятие излишков земель у кулацких хозяйств в 2-х 3-х районах горного Дагестана» (*Османов А.И.*, 1972. С. 55).

При проведении землестроительных работ в селениях Филя Самурского, Бахцуг Кюринского округов и Каранай Буйнакского района кулаки организовали выступления против землеустройства, срывали межевые знаки, устраивали вооруженную засаду землемеру. При этом заявляли: «Никакой соввласти мы не признаем и силой покажем свое право» (*Османов А.И.*, 1972. С. 57). Организаторы этих группировок были привлечены к уголовной ответственности.

Недостатки в работе с беднотой усугублялись тем, что в ряде округов и районов Дагестана не проводилась соответствующая работа с беднотой, созданные группы бедноты не функционировали, а партийно-советские руководители округов и районов вообще игнорировали такую работу в силу своей неподготовленности к такого рода деятельности.

В 1928 г. в Дагестане насчитывалось 37 105 бедняцко-батрацеских хозяйств или около 135 тыс. батраков, что составляло 21,2 процента всего крестьянства (*Османов А.И.*, 1972. С. 60).

В период перевыборов 1928–1929 гг. антисоветскую активность проявило кулачество и духовенство. В сел. Кумторкала, например, кулачество срывало перевыборы в течении 2-х месяцев, беднота была терроризирована и не могла оказать им серьезного сопротивления (*Османов А.И.*, 1972. С. 62; *Булатов И.Г.*, 1973. С. 65). В ауле Амаатерк-Махи Даргинского округа кулаки убили комсомольца, активно выступавшего против кулацких происков (*Османов А.И.*, 1972. С. 62).

Порой в угоду межродовой борьбе приносились в жертву классовые интересы. Так, в ауле Кикини Гунибского округа, например, родовая борьба, полностью подменила классовую, резко расколол аул на две неравные части (*Османов А.И.*, 1972. С. 63).

В Дагестане в период предвыборной кампании 1928/1929 г. были зафиксированы 30 кулацких антисоветских группировок и совершено 9 террористических актов (*Османов А.И.*, 1972. С. 64). Все участники этих группировок в соответствии с законом были привлечены к уголовной ответственности.

В Даргинском, Лакском, Гунибском, Самурском и Андийском округах было зарегистрировано 108 антисоветских выступлений кулацких элементов, организаторы коих также были привлечены к ответственности (*Османов А.И.*, 1972. С. 64).

Поэтому XVI Всесоюзная партконференция (1929 г.) признала необходимым проведение генеральной чистки партии. Жизнь подтвердила, что без очищения и укрепления тыла, разгрома правых нельзя было думать о дальнейшем успешном проведении коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Чистка должна была ударить по правым настроениям, укрепить единство партии и повысить ее боевитость. Начатая осенью 1929 г., чистка была завершена к маю 1930 г. В результате чистки было исключено 727 членов и 504 кандидата, всего 1231 человек. Из них 292 человека, как участники контрреволюционной борьбы против Советской власти (Звезда. 1930 г. № 1–2. С. 46, 47). Все они были привлечены к уголовной ответственности.

Наиболее острая классовая борьба развернулась в Дагестане в период принудительных хлебозаготовок 1928–1929 г. К началу 1928 г. страна стала испытывать потребности увеличить вывоз хлеба за границу для закупки машин и оборудования для промышленности, иметь резервы на случай войны, неурожая и т.д.

Эти трудности были осложнены кулацким саботажем хлебозаготовок, направленным на срыв хозяйственной политики Советского государства. Кулаки прятали хлеб, отказывались подчиняться советским законам, чтобы взвинтить цены на хлеб и тем самым подорвать политику цен пролетарского государства.

Что касается Дагестана, то к концу 1927 г. завоз хлеба сократился в 2–4 раза, а в 1928 г. хлебный дефицит вырос еще на 27 процентов (Плановое хозяйство Дагестана. 1928 г. № 1–2. С. 66; Булатов И.Г., 1973. С. 52). Усилилась скупка хлеба на рынке частником. Все это привело к росту цен на хлеб. Имели место уголовные проявления в селах. В с. Баммат-юрт Хасавюртовского района, например, при обсуждении вопроса о хлебозаготовках был убит член колхоза «Янги дунья» А. Магомаев. В Кизлярском районе было совершено покушение на члена комиссии содействия хлебозаготовкам (Османов А.И., 1972. С. 69; Булатов И.Г., 1973. С. 53, 54).

Допускавшиеся заготовительными органами ошибки и перегибы в вопросах хлебозаготовок вызывали недовольство крестьян. Кулачество, пользуясь моментом, призывало к открытому выступлению против Советской власти, распускало ложные слухи о скором якобы ее падении, о том, что Ленинград будто бы занят англичанами, идут якобы бои под Москвой, а в Сибири господствуют китайцы. В антисоветской работе активную поддержку кулачеству оказывало мусульманское духовенство.

Реакция органов безопасности на решения высших партийных инстанций была адекватной. Местным органам ОГПУ предписывалось тщательно выполнять директивы ЦК ВКП(б), прямо и непосредственно участвовать в хлебозаготовках. Так органы ОГПУ ориентировались на то, чтобы при арестах крупных частных заготовителей, кулаков и наиболее прижимистых хлеботорговцев привлекать к уголовной ответственности, как через судебные, так и внесудебные органы (Коллегия ОГПУ, Особое совещание при ПП ОГПУ). Об этих мерах они обязаны были предоставлять сведения в Центр в виде телеграфных сообщений, сводок, справок и донесений (Совершенно секретно..., 2002. С. 20).

В хлебозаготовительную кампанию 1929 г. компетентными органами Дагестана было возбуждено 164 уголовных дела, по которым были осуждены 128 кулаков к различным срокам тюремного заключения (Османов А.И., 1972. С. 71).

Крестьянство, убедившись, что кулацкий саботаж хлебозаготовок угрожает голодом не только городу, но и аулу, решительно поддержало борьбу с кулачеством.

Все это обеспечило успех хлебозаготовительной кампании 1929 г. К январю 1930 г. план хлебозаготовок по республике был выполнен на 121 процентов. Дагестан вышел на 4-е место по хлебозаготовкам по Союзу (Булатов И.Г., 1973. С. 55).

В течение одного года число колхозов увеличилось более чем на 130. В основе такого роста лежало также активизировавшееся снабжение сельского хозяйства техникой: машинами, тракторами, сеялками и др.

Состоявшаяся в апреле 1929 г. X Дагестанская областная партконференция отметила, что в связи с наступлением на экономические и политические позиции кулака, классовая борьба в ауле приняла более острый характер (Османов А.И., 1972. С. 74).

Пытаясь остановить колхозное движение и запугать крестьян, кулачество широко прибегало к террору, создавало подпольные организации для вооруженного антисоветского выступления. Так, летом 1929 г. в Андийском и Даргинском округах были раскрыты и ликвидированы контрреволюционные организации, руководимые кулачеством и духовенством с целью поднятия восстания против Советской власти (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 848. Л. 14; Д. 1129. Л. 33–37. Ф. 800-р. Оп. 2. Д. 15. Л. 76, 85–91; Д. 16. Л. 156; Д. 1118. Л. 138, 139; ЦА ФСБ РФ. Оп. 8. Д. 134. Л. 11, 12; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1131. Л. 150, 256). В январе 1930 года в Хунзахском, Гунибском, Буйнакском, Хасавюртовском, Андийском округах было арестовано 1750 человек – участников контрреволюционных кулацких группировок (Булатов И.Г., 1973. С. 56).

Усиление борьбы кулачества и духовенства против мероприятий Советского государства в колхозном строительстве вынудили применить решительные меры к наиболее контрреволюционной их части. 13 августа 1929 г. бюро Дагкома ВКП (б) одобрило мероприятия органов ОГПУ по борьбе с антисоветскими элементами, ликвидацию контрреволюционных групп и организаций кулачества и духовенства. В то же время бюро обкома потребовало от парторганизаций добиваться улучшения работы среди бедняцко-средняцких масс, разъяснения им значения мер по борьбе с контрреволюционным кулачеством и реакционным духовенством (ЦГА РД. Ф. 800-р. Оп. 2. Д. 15. Л. 76, 85–91).

Однако процесс ограничения и вытеснения кулачества в Дагестане, особенно, в горах шел более медленными темпами, чем в ведущих зерновых районах страны. Борьба кулачества против колхозов здесь только разгоралась и наиболее сильно проявилась весной 1930 г.

Во второй половине 1929 г. в стране развернулось массовое колхозное движение. Конец 1929 г. для Дагестана, как и для всей страны, был характерен высокими темпами коллективизации.

Тяга крестьян в колхозы, все растущие темпы коллективизации вызвали новую волну антиколхозных выступлений кулачества. Их борьба против колхозов как и всегда носили ожесточенный характер, меняя формы и методы этой борьбы.

Классовая борьба в дагестанском ауле отличалась особой остротой, т.к. влияние кулацко-духовных элементов было еще сильно. Местами им удавалось даже организовать вооруженные выступления против колхозов и Советской власти.

Колхозные движения в начале 1930 г. сопровождалось агитацией кулаков среди крестьян, распространением провокационных слухов о восстании в Грузии, создании конных полков в Чечне и на Тереке против Советской власти, которые должны якобы совершать налеты на колхозные аулы.

В с. Костек Хасавюртовского района кулаками было организовано вооруженное нападение на председателя сельсовета, секретаря партячейки и членов бригады обкома партии по проверке темпов проведения коллективизации в районе (*Османов А.И., 1972. С. 81*).

Усилилась контрреволюционная антиколхозная агитация и в других районах, в частности, в Шелковском районе (*Османов А.И., 1972. С. 82*). В ряде станиц крестьяне находили в почтовых ящиках контрреволюционные листовки и брошюры. Кулаки стремились сыграть на религиозных чувствах людей, имея полную поддержку духовенства. В с. Великент Дербентского района, например, кулаки и муллы распространяли слухи о том, что колхозникам будет запрещено верить в бога, и что в колхозе жены и дети будут общие и т.д. и т.п.

Выступления кулачества против Советской власти не только выражалось в контрреволюционной агитации, оно также перерастало и в террористические акты против колхозников и колхозов. В с. Адиль-Отар Хасавюртовского района духовенство было активным участником нападения и избиения колхозников, занятых на вспашке (*Османов А.И., 1972. С. 82*). В сел. Байрам-аул того же района кулаки убили мать колхозного активиста Н. Акавова (*Османов А.И., 1972. С. 82*).

В станице Каргалинской Шелковского района в ночь с 17 на 18 сентября 1930 г. кулаки повесили на молотилке бедняка-колхозника, который вел активную борьбу против попыток разложить колхоз (*Османов А.И., 1972. С. 82*). Имели место многочисленные факты самораскулачивания под различными предлогами. Другой формой кулацкой борьбы было создание лжеколхозов. Так, в 1929 г., например, было выявлено и распущено 52 лжеколхоза. Не мало было фактов провоцирования кулачеством и духовенством женщин против колхозов в Хасавюртовском, Буйнакском, Махачкалинском, Табасаранском и ряде других районов. В Табасаранском районе, например, женщины 7 аулов (700 чел.) явились в райцентр и требовали роспуска. Если в начале марта колхозы объединяли в республике 38 тыс. хозяйств (*Османов А.И., 1972. С. 85*), то на 1 апреля 1930 г. лишь 13267 хозяйств, а число колхозов сократилось до 407 (*Булатов И.Г., 1973. С. 36*).

В с. Евигар Касумкентского района 17 февраля 1930 г. женщины, подстрекаемые кулаками, сорвали общее собрание, избивли председателя сельсовета, разгромили ликпункт (*Османов А.И., 1972. С. 85*).

Серьезный ущерб наносился убоем населением скотопоголовья. В Ахтынском, Рутульском, Курахском районах в конце 1929 г. было забито 45 тыс. голов овец. 16 января 1930 г. ЦИК и СНК СССР опубликовали постановление «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», где убой скота квалифицировался как один из способов вредительства. Кулаков, агитирующих за убой скота, предлагалось привлекать к судебной ответственности (*Османов А.И., 1972. С. 87*). 5 февраля 1930 г. было опубликовано сообщение СНК ДАССР о показательных процессах по этим вопросам, вплоть до лишения возможности пользоваться пастбищами (Караногайский и другие районы). Борьба с убоем скота считалась также, как и кулацкий саботаж хлебозаготовок в 1928–1929 гг. (*Османов А.И., 1972. С. 94*).

Усилившиеся в период массовой коллективизации сопротивление кулачества опровергало «теории» правых (Н.И. Бухарин и др.) о мирном «врастании кулака в социализм». Кулак оставался самым опасным и непримиримым врагом Советской власти.

Обострение классовой борьбы выдвинуло вопрос о том, как быть с кулаком, особенно, в районах сплошной коллективизации. Требовалось усилить законодательные меры и судебные репрессии против кулаков, очищать от них колхозы. Были разработаны конкретные предложения комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), созданной в декабре 1929 г.

В первую очередь такими мерами были ликвидация кулачества как класса, экспроприация всех средств производства у них и их раскулачивания (*Османов А.И., 1972. С. 95*). Основные

положения и рекомендации комиссии вошли в постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В нем впервые официально провозглашалась политика ликвидации кулачества как класса (*Османов А.И.*, 1972. С. 95).

Переход к ликвидации кулачества как класса был обусловлен также опасностью военного нападения на СССР.

Таким образом, уже в первом официальном партийном документе речь шла не о его физическом уничтожении, как об этом утверждали буржуазные идеологи, а о его раскулачивании, экспроприации у него средств производства и его трудовом перевоспитании.

Решительные меры, принятые Советским государством против кулачества, были вызваны его сопротивлением мероприятиям органов власти и управления в процессе проведения коллективизации.

Политика партии против кулачества была в законодательном порядке закреплена в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», коим отменялось действие закона об аренде и применении наемного труда в единоличных хозяйствах. Все конфискованное имущество направлялось на погашение долгов кулаков, а остальная часть – передавалась в неделимые фонды колхозов.

30 января 1930 г. ЦК партии установил 3 категории кулаков. К первой относились – организаторы антисоветских выступлений и террористических актов. Они подлежали изоляции по решению судебных органов. Ко второй относились крупные кулаки, но менее активные, они подлежали выселению в отдаленные местности в пределах краев. К третьей категории – не подлежащие выселению.

Разработанные партией и правительством меры свидетельствовали о максимуме осторожности государства в решении таких вопросов.

Вместе с тем в Дагестане как и в других национальных республиках с мусульманским составом населения коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса тормозилось сильным влиянием духовенства на крестьянские массы. Неслучайно Дагестан по постановлению ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. был отнесен к третьей группе районов по темпам коллективизации.

Вместе с тем, следует отметить, что быстрые и неоправданные сроки по темпам проведения коллективизации в районах, не имеющих еще необходимых к тому предпосылок, приводило к грубому нажиму на бедняцкие массы (Чародинский, Касумкентский, Табасаранский и др. районы). В таких селениях, как Берикей, Великент, Джемикент и др. Дербентского района) нежелающие и отказывающиеся вступать в колхозы подвергались аресту.

Таким путем в Курахском районе было раскулачено 45 хозяйств. Во многих районах республики в процессе раскулачивания в категорию кулаков попадали середняки и даже бедняки, за что виновные были наказаны. Упрощенное понимание вопроса раскулачивания допускалось и в Кизлярском, Хасавюртовском районах (*Османов А.И.*, 1972. С. 103).

Тенденции быстрейшего проведения ликвидации кулачества как класса придерживались в целом ряде Кизлярской, Шелковской, Ачикулакской, Хасавюртовской, Бабаюртовской, Махачкалинской, Буйнакской, Дербентской, Коркмаскалинской, Касумкентской, Гунибской парторганизациях (*Османов А.И.*, 1972. С. 104). Нарушения классовой линии партии в вопросе ликвидации кулачества как класса вызвали недовольство у части горского крестьянства. Созданные административным нажимом колхозы стали распадаться, с 21 процента на 20 января 1930 г. уровень их упал до 6% (*Османов А.И.*, 1972. С. 106). Из 56 колхозов в Табасаранском районе, например, осталось 7 колхозов или 12,5% (*Османов А.И.*, 1972. С. 106).

ЦК ВКП(б) отмечал ошибочную практику раскулачивания вне связи с колхозным движением. По отношению кулачества должна была проводиться политика его ограничения и вытеснения, и это ставилось в зависимость от конкретных условий тех или иных районов. Число раскулачиваемых хозяйств не должно было превышать 2–3 процента от общего количества хозяйств. По национальным республикам был установлен ограниченный контингент кулаков первой категории, превышать который запрещалось. По Дагестану такой контингент был установлен в 350 человек (*Османов А.И.*, 1972. С. 108). К ликвидации перегибов в колхозном движении были направлены и ряд мер ЦК ВКП (б). По решению ЦК в газете «Правда» 2 марта 1930 г. была опубликована статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Прокуратуре было поручено выявить случаи закрытия мечетей без разрешения на то ЦИК ДАССР, связывая процесс

закрытия мечетей с проведением коллективизации, а виновных предлагалось привлечь к ответственности. В этот же период обострилось внутривластное положение в Нагорном Дагестане. Кулачество решилось на крайнюю меру и усиленно готовилось к вооруженному выступлению против колхозного строительства. К февралю 1930 г. в этом регионе возросла активность кулачества. В связи с этим было решено укрепить в горах крепости Хунзах и Гуниб с введением туда войск.

Бюро обкома партии 1 марта 1930 г. было принято решение, где давалось строгое указание партийным и советским органам республики о прекращении незаконного закрытия мечетей, административного насаждения колхозов, проведения необоснованных, принудительных хлебозаготовок. Категорически запрещалась конфискация скота у кулаков, предлагалось усилить налоговые обложения, расширение контракции мясного скота, вести борьбу с хищническим убоем скота, привлечения виновных к ответственности. В письме райкомам партии указывалось до 15 марта 1930 г. явно контрреволюционную часть кулачества и духовенства подвергнуть аресту (*Османов А.И.*, 1972. С. 110). Были раскулачены 350 кулацких хозяйств первой категории, а кулаки второй категории не были затронуты (*Османов А.И.*, 1972. С. 111). Комиссия по вопросам раскулачивания решением бюро обкома партии от 17 марта 1930 г. была распущена, как выполнившая свою работу. Однако процесс раскулачивания и выселения кулачества Дагестана продолжался и в последующие годы, вплоть до 1938 г. Батрацко-бедняцкая конференция Хунзахского и других районов одобрили мероприятия правительства о раскулачивании и изъятии духовенства и просили советские органы принять к ним самые суровые меры.

В конце 1929 г. и в начале 1930 г. в колхозном движении в Дагестане вспыхнула новая волна сопротивления властям со стороны определенной части населения. Дело в том, что в этот период в Сунженском, Веденском и других округах соседней Чечни шла вооруженная борьба антисоветских элементов против Советской власти. Это получило, отклик и в ряде приграничных районов Дагестана. «Окрыленные надеждой на возможность успеха повстанцев в Чечне, – отмечается в документе, – враждебные элементы в Нагорном Дагестане энергично развернули организационно-подготовительные работы к вооруженному выступлению и оказанию поддержки восставшим в Чечне» (*Османов А.И.*, 1972. С. 109, 111). В Хасавюртовском, Щелковском и в ряде других районов муссировались и распространялись листовки, призывающие к выступлениям против колхозов. Эти действия сопровождались поджогами, террором против активистов.

Учитывая сложившуюся в республике обстановку в связи с операцией, проводимой в Чеченской области, обсудив ее на закрытом заседании 12 декабря 1929 г. бюро обкома партии обязало ДООГПУ «принять самые решительные меры по пресечению всяких попыток со стороны контрреволюционных элементов к срыву мероприятий партии и Советской власти путем немедленной их изоляции» (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1131. Л. 150, 251).

Объединенное заседание бюро Дагкома и Президиума ДКК ВКП (б) от 25 декабря 1929 г. снова обсудило вопрос «О политическом положении в ДССР» и вновь предложило «ДООГПУ принять все меры к... ликвидации контрреволюционных организаций в Аварском, Ботлихском и других районах, а при надобности поставить вопрос о переброске воинской части в эти районы» (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1131. Л. 256).

В связи с тем, что в Аварском, Андийском, Буйнакском, Гунибском, Хунзахском округах и в Хасавюртовском районе орудовали специально созданные преступными элементами группы, совершавшие акты диверсий и террора, органы власти в декабре 1929 г. – январе 1930 г. были вынуждены принять законные меры к 490 активным участникам этих преступлений (*Османов А.И.*, 1972. С. 81, 82, 85). Трудящиеся с одобрением восприняли эти меры и потребовали сурового наказания виновных. Так, батрацко-бедняцкая конференция Хунзахского района в апреле 1930 г., например, одобряя аресты классовых врагов..., которые, как указано в резолюции, повседневно вели агитацию против всех мероприятий, просила органы Советской власти принять к этим лицам самые суровые меры (*Османов А.И.*, 1972. С. 111).

Набирающее темпы колхозное строительство вызывало у зажиточной части крестьянства страны жесткое сопротивление. Это было характерно и для всего северокавказского региона. В Дагестане коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества усугублялись не только сильным влиянием духовенства, но и различием культурного и социально-экономического уровня развития населения и различием естественно-географических условий районов (*Османов А.И.*, 1972. С. 98). Вероятно, не без учета этих обстоятельств Дагестан в постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О коллективизации и мерах помощи колхозному строительству» был отнесен к третьей группе районов, где коллективизация, стало быть, и ликвидация кулачества как

класса, должны были проводиться в более поздние сроки, чем в стране в целом (КПСС в резолюциях..., Т. 4, 1970. С. 383–389.).

30 января того же года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое в тот же день было передано по телеграфу всем местным партийным организациям (*Ивницкий Н.А.*, 1982. С. 178). Постановление предусматривало, что так называемый контрреволюционный актив – организаторы террористических актов и антисоветских мятежей – подлежат аресту и преданию суду за их преступления; другие лица, активно выступающие против коллективизации, подлежали выселению в северные или отдаленные районы страны, а остальную часть кулаков предлагалось расселить в пределах района на новых, специально отводимых для них местах (*Ивницкий Н.А.*, 1982. С. 179; *Османов А.И.*, 1972. С. 97; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1800. Л. 2). Постановление устанавливало также и порядок отнесения кулацких хозяйств к той или иной группе. При этом выявление и изъятие кулаков первой категории (контрреволюционный актив) возлагалось на органы ОГПУ. Вопросы в отношении кулацких хозяйств второй и третьей категорий должны были решаться органами местной власти.

К тому времени в Дагестане обстановка сильно обострилась. Наблюдавшийся весной 1930 г. в ряде горных и южных районов республики особый накал противостояния Советской власти в определенной степени был спровоцирован не продуманными и форсированными действиями руководства Дагестанского областного комитета ВКП (б) и СНК ДССР по вопросам коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества.

Так, Дагком ВКП (б) в рамках подготовки к сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса еще в середине января создал при ДК ВКП(б) так называемую Центральную партийную комиссию по учету и изъятию кулацких хозяйств. Комиссия на первом и втором своих заседаниях 2–3 го февраля определила 12 районов (плоскостные и предгорные), откуда подлежали выселению 1500 кулацких хозяйств, и 8 районов (горных), где «необходимо, как записано в решении, произвести учет и изъятие антисоветских контрреволюционных кулацких группировок и одиночек» (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1309. Л. 1); утвердила также уполномоченных по районам и предложила им выехать на места не позднее 6 февраля (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1309. Л. 5–8).

Согласившись с решениями данной комиссии, 3 февраля бюро Дагкома ВКП (б) предложило руководству Даготдела ОГПУ разработать и представить план проведения изъятия (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1309. Л. 2).

В следующий день 4 февраля бюро Дагестанского областного комитета ВКП (б), рассмотрев упомянутые выше постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. и доклад комиссии при ДК ВКП (б) по этим вопросам, решило: «1) возбудить перед ЦК ходатайство разрешить для Дагестана в составе 1500 кулацких хозяйств произвести изъятие активной верхушки кулачества и вне районов сплошной коллективизации. Для проведения раскулачивания выделить специальных уполномоченных» (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1303. Л. 3).

Тем временем обстановка в республике накалялась все больше и больше. В связи с этим, обсудив, вопрос «О политическом состоянии ДССР» (так сформулирована повестка дня в протоколе), бюро Дагкома ВКП (б) от 23 февраля 1930 г. решило в 3-х дневный срок сменить секретарей Ахтынского, Ботлихского, Гумбетовского и Цумадинского райкомов ВКП (б). Командировать в южные районы 10 ответственных работников республики. Выделить необходимое количество работников в распоряжение Даготдела ОГПУ. Подтвердить принятое 5 февраля решение о занятии войсками гарнизонов Гуниб и Хунзах (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1309. Л. 7).

В п. 3 решения бюро по вопросу Земельно-водной реформы было записано: «Наряду с изъятием земель в районах сплошной коллективизации провести ликвидацию кулачества как класса, изъяв все средства производства у кулаков с передачей их в неделимый фонд колхозов, как паи батраков и бедняков. Эту работу предлагалось проводить при полной мобилизации батрацко-бедняцкой части районов, одновременно полностью используя все местные партийно-комсомольские и советские органы» (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1309. Л. 9).

Все это вместе взятое, как следовало ожидать, вызвало среди населения массовые волнения, сопровождавшиеся погромами, поджогами, террором, хищническим уничтожением имущества, убоем скота, самораскулачиванием и бегством зажиточных крестьян с насиженных мест.

Так, 11 марта 1930 г. жители с. Шаури Цунтинского района устроили погромы в помещениях милицейского участка, фельдшерского пункта, метеорологической станции. На следующий день в

ряде населенных пунктов одновременно были разогнаны сельские советы и колхозы с арестом их руководителей, разбором скота, сельхозинвентаря, а также более 700 пудов заготовленного зерна. Затем в районном центре с. Шаури собралось более 1500 «представителей», где были избраны так называемый «шариатский совет», свой суд, создана милиция с вооруженным отрядом из 500 человек. «Шариатский совет» предъявил правительству Дагестана ультиматум о прекращении Советской власти в Дидо, а на всех ведущих туда дорогах выставил вооруженные посты (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 212. Л. 2, 3; Д. 436. Л. 10–17; Сулейманов С.И., 2006. С. 131).

Дидоевский участок и в прошлом являлся одной из главных баз средоточения контрреволюционных сил, возглавляемых Н. Гоцинским. Именно здесь он скрывался с марта 1920 г. после установления Советской власти в Дагестане, собирая силы для нового наступления, и сентябрьский мятеж того же года начал именно отсюда. После подавления мятежа весной 1921 г. многие единомышленники Гоцинского снова стали скрываться в глубоких ущельях и лесах Дидо. Затем для активизации антисоветской деятельности, как благодатной почвой, воспользовались началом мероприятий по сплошной коллективизации сельского хозяйства в республике. В Дидо и в других местах массовых противостояний на руку контрреволюционным элементам, наряду с отсталостью и забитостью местного населения, играло и то, что здесь в силу отдаленности от республиканского центра, тяжелых природно-климатических условий, неблагоустроенности региона, отсутствия также необходимых кадров работа советских органов по социально-экономическому и культурному преобразованию села проходила очень медленно, если не сказать плохо. Положение усугублялось еще и тем, что направленные сюда из других местностей Дагестана работники партийно-советского аппарата допускали грубые ошибки, зачастую прямые извращения, такие, как волевое закрытие мечетей, насильственная организация колхозов, вызывавшие не просто недовольство, а стойкую озлобленность со стороны местного населения и т.д.

Руководители враждебных группировок, реакционные духовные авторитеты и другие бандитские элементы планомерно подогревали такие настроения, усиливали антисоветскую агитацию, распространяли избитые провокационные слухи о движущихся в Дагестан турецких и английских войсках, скорой гибели Советской власти и т.д., и т.п. Затем, используя уже существующий накал, они провоцировали массовые волнения и вооруженные выступления (Сулейманов С.И., 2006. С. 182).

В горах Дидо сложилась чрезвычайно сложная обстановка. Население было ожесточено. Повстанцы трижды предприняли вооруженные вылазки. Они либо близко не допускали представителей республиканских партийно-советских организаций, либо разоружали и захватывали их в качестве заложников, жестоко издевались над ними, избивали, бросали в подвалы и держали по несколько дней без пищи и воды. В такой ситуации в течение 40 дней при крайне тяжелых природных и суровой зимы условиях, к тому же в незнакомой местности сотрудники органов ОГПУ проявили максимум выдержки и стойкости. С учетом ситуации они совместно с местным активом при тесной опоре на более лояльные слои населения развернули среди масс разъяснительную работу, использовали всевозможные формы и методы мирного воздействия на разъяренную толпу и сумели добиться позитивных перемен в настроениях людей, отсекали обманутых от главарей и зачинщиков, выявили и склонили к явке с повинной ряд организаторов восстания и подстрекателей. 17 человек наиболее непримиримых лиц во главе с Вали Даглаевым были арестованы и осуждены. Изъято 199 винтовок и много боеприпасов (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 436. Л. 43, 44; ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1327. Л. 51; Сулейманов С.И., 2006. С. 132–133).

Как было затем установлено следствием, Даглаев еще в 1920 г. на почве межродовой борьбы противопоставил себя другим группировкам, ставшим под зеленое знамя Гоцинского и таким образом случайно оказался на стороне его противников. После подавления мятежа Гоцинского в 1921 г. занимал должность председателя ревкома, затем исполкома, а впоследствии был назначен начальником местной милиции. Однако, будучи снят с этой должности в 1929 г. за злоупотребления служебным положением и извращения в проведении советской линии, затаил обиду. Реакционные элементы, используя такие отрицательные личные качества Даглаева, как авантюризм и тщеславие, выдвинули его председателем упомянутого «шариатского совета», более того, провозгласили «наибом» и военным руководителем восстания.

Даглаев в процессе ликвидации восстания и ведения с ним переговоров (18.03.1930г.) фарисейски утверждал, что взял на себя руководство лишь из соображений, чтобы «предотвратить» неадекватные действия и бесчинства со стороны восставших. Но в то же время,

уклоняясь от выполнения данных обещаний о снятии выставленных им вооруженных постов, разоружении отрядов и добровольной сдаче оружия, всячески оттягивал время, более того, 21 марта прислал руководителю опергруппы записку с сообщением: «... дидоевцы не хотят подчиняться дагестанскому правительству. Я избран дидоевским народом и должен подчиняться его воле...» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 436. Л. 12; Сулейманов С.И., 2006. С. 133–134). Впоследствии выяснилось, что Даглаев выжидал поступления партии оружия, обещанного руководителями грузинских антисоветских группировок, действовавших в приграничных с Дагестаном районах Грузии. Кроме того, как оказалось, по достигнутой договоренности руководители аналогичных группировок Кабардино-Балкарии (Шита Истамулов), Чечни и Ингушетии (Х. Арсланбеков и др.) должны были, в свою очередь, поддержать Даглаева массовыми выступлениями на местах (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 436. Л. 12). Но планы эти не удались.

На 9-й день после дидоевского выступления, 20 марта 1930 г. враждебные лица из с. Доргели Буйнакского округа во главе с неким З. Суфьяновым учинили аналогичные шауринским погромы в колхозе, помещениях сельсовета, избе-читальне, школе, столовой и в домах ряда активистов-бедняков, избили и изгнали из села всех коммунистов и сочувствующих, разобрали собранный по заготовке хлеб. Затем согнали жителей села на «сход», избрали старшину и с целью недопущения в село представителей Советской власти выставили, как и в Дидо, вокруг села вооруженные посты.

Направленная для изучения обстановки небольшая группа партийно-советских работников (всего 11 человек) была окружена толпой и избита. Находившийся среди них оперработник Даготдела ОГПУ К. Измайлов был убит (Сулейманов С.И., 2006. С. 133 – 134; Булатов И.Г., 1960. С. 56).

Порядок в селе был восстановлен лишь с помощью дополнительных сил охраны правопорядка. Характерно, что реакционные элементы для устройства погромов использовали, в основном, женщин и детей (Булатов И.Г., 1960. С. 57, 58).

Через месяц, 26 апреля на Юге Дагестана вспыхнуло восстание под руководством Штутельского, еще через месяц, 18 мая – произошло Хновское восстание. Такие выступления были отмечены в ряде населенных пунктов Ахтынского, Курахского, Касумкентского, Рутульского, Табасаранского районов. Эти выступления отличались особой жестокостью повстанцев, многие из них были вооружены огнестрельным оружием. Они учинили насилия над партийно-советским активом, разоружили милицию, убили секретаря Касумкентского райкома партии Ю. Герейханова и других коммунистов, подожгли помещения партийных, советских, культурно-бытовых и других организаций, разогнали колхозы (Сулейманов С.И., 2006. С. 134, 135; Булатов И.Г., 1960. С. 56).

После пресечения этих восстаний, население на собраниях и сходах заявляло, что оно было одурачено богачами и муллами и невольно втянуто в антиколхозные выступления. Как подчеркивали выступавшие, например, на сходах в Табасаранском районе, духовенство и зажиточные крестьяне использовали имевшие место ошибки и искривления при обложении сельхозналогом, колхозном строительстве и проведении других кампаний для обмана отсталой части населения и подстрекательства их к противостоянию властям (Архив ФСБ РФ по РД. Фонд следственных дел. Дела 1632, 1685; Муцалханов М.С., Махмудов Х.М., 1997. С. 36 – 51, 42, 43, 48; Дагестанская правда. 1996. 16 марта; Дагестанская правда. 1996. 23 марта).

Из анализа материалов по массовым антисоветским выступлениям, имевшим место в Дагестане весной 1930 г., усматривается, что все они не только не были случайными или локальными проявлениями, а представляли собой заранее запланированные, достаточно четко организованные акции. Более того, проходили они по единому сценарию и в определенной последовательности, их участники громили и крошили все, что стоит на их пути, разоружали отряды милиции, арестовывали и убивали не только не угодных им, но и ни в чем не повинных людей. Нет необходимости перечислять все преступные с точки зрения действовавших в то время законов акции и деяния восставших. Они хорошо известны, кстати, не по документам, «сочиненным», как некоторые утверждают, в органах ОГПУ, а из докладных записок непосредственных руководителей местных партийных и советских органов, оказавшихся в этих ситуациях, решений и резолюций сельских сходов, писем простых граждан.

Что же касается законных мер пресечения, принятых к главным руководителям, подстрекателям и организаторам, то это осуществлялось лишь после того, как были исчерпаны все другие возможные меры и способы мирного урегулирования инцидентов. Имеются в виду многократные предложения и длительные переговоры с зачинщиками и руководителями этих

акций через влиятельных, но более лояльных служителей культа, через сельские авторитеты, через представителей органов власти и, наконец, через непосредственных близких родственников и т.д., и т.п. (Какагасанов Г.И., 2000. № 229, 230. Какагасанов Г.И., 2000, № 231, 232).

Представляется, что было бы неверно рассматривать эти события в отрыве от общей обстановки в 30-е гг. в стране, в целом, и в Дагестане, в частности. Считать же, что власти должны были сдать позиции и удовлетворить требования разъяренной толпы погромщиков и убийц было бы неправильным, ибо их требования не соответствовали конституционным основам Дагестанской республики.

В СССР 1930 г., как видно из анализа многочисленных источников (архивных и опубликованных), был характерен решительный переход кулачества и духовенства и других антисоветских сил деревни к открытой, вооруженной борьбе против Советской власти с конкретной целью ее свержения.

Если за 1926–1927 гг. вместе взятые в стране было всего 63 массовых выступления, в 1928 – 719, в 1929 – 1217, то в 1930–1931 гг. имело место 13453 выступления (в том числе, 467 на Северном Кавказе). В них участвовало свыше 2468 тысяч человек против 244 тысяч, участвовавших в 1929 г. (Дагестан только в июне 1931 г. вошел в состав Северо-Кавказского края, поэтому отдельные данные по Дагестану отсутствуют).

Из числа массовых выступлений 1930–1931 гг. в стране – 176 выступлений носило чисто повстанческий характер.

Кроме того, по Союзу за 1930 год было учтено 55 вооруженных восстаний (СКК, Казахстан, Сибирь, Закавказье, Средняя Азия и др.), проходивших под лозунгом свержения Советской власти, сопровождавшихся погромами советских учреждений, взятием заложников, попытками расширения территории, охваченной восстаниями (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 500. Л. 4, 5, 31).

В 1816 случаях массовые выступления того периода сопровождалось физическим насилием над представителями местной власти, коммунистами, колхозниками, советскими активистами из бедноты и середнячества. Пострадало по неполным данным 3155 человек (в том числе, убито – 147 человек, ранено – 212 и избито 2796 человек).

В 993 случаях выступления удалось ликвидировать вмешательством вооруженной силы (милиция, оперативные группы ОГПУ, отряды коммунистов и т.д.). В большинстве случаев это вмешательство ограничивалось лишь демонстрацией вооруженной силы, без перестрелки.

На фоне усиления террора в 1930 г. особенно увеличилось количество поджогов хлеба, фуража, построек и другого имущества в колхозах и личных хозяйствах сельских активистов. Возросла порча тракторов и другого сельскохозяйственного инвентаря, посевов, убой скота и т.д. В восточных, северокавказских национальных республиках преобладал физический террор (около 75% от общего числа). На Северном Кавказе в 1930 г. было совершено 842 террористических акта (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 500. Л. 5, 7, 31).

Враждебные элементы всячески пытались вовлечь в орбиту своего влияния значительные группы середнячества, особенно, женщин, молодежь, «обиженных» и недовольных Советской властью из числа разложившихся работников советского аппарата, исключенных из рядов ВКП (б) и деклассированных элементов, уголовников, бедняков, так или иначе связанных с кулачеством (родственников, пьяниц и т.п., вербуя из их среды свои кадры).

Многочисленные перегибы во время коллективизации и раскулачивания 1930–1931 гг. дали возможность антисоветским силам мобилизовать на активные выступления под антиколхозными лозунгами значительные группы середнячества. Организация массовых антисоветских выступлений крестьянства велась под предлогом борьбы против искривлений в практике проведения хлебозаготовок, сбора налога, снятия колоколов с церкви и закрытия церкви, мечетей, синагог, разрушения культовых зданий, против принудительного вовлечения крестьян в колхозы и т.д. Уже в процессе самих выступлений антисоветские элементы деревни стремились и придавали им организованные формы. В подавляющем большинстве массовые волнения начинались по незначительному поводу, но затем они выливались в серьезные антисоветские выступления. Особенно часто такое перерастание наблюдалось, когда в них преобладали женщины. В 1929 г., например, из 1217 массовых выступлений в стране 486 были исключительно женскими по составу участников, а в 67 случаях среди участников преобладали женщины. Выступления женщин во многих случаях отличались своей организованностью, упорством сопротивления, сопровождались избиениями советских работников, активистов, разгромом сельских советов и других общественных организаций и учреждений (ЦЧО, УССР, СКК).

По далеко неполным данным в 1930–1931 гг. было зафиксировано свыше 50 массовых женских выступлений, сопровождавшихся физическим насилием над местными совпартработниками и представителями РИКов и РКП(б), комсомольцами, милиционерами, активистами-бедняками и колхозниками. Во многих случаях женщины выступали, вооружившись вилами, палками, кольями, ножами и держали оборону по несколько дней (в Дагестане: Доргели, Дидо и др.) (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 500. Л. 14).

Определенное снисходительное отношение административных органов к женщинам-участницам антисоветских выступлений способствовало укреплению у них чувства безнаказанности (Булатов И.Г., 1973. С. 57).

В процессе массовых выступлений в 1930 г. имели место многочисленные случаи разоружения милиционеров, местных активистов. Выступавшие устанавливали «пикеты», «дозоры», брали местных работников в качестве заложников (Дидо, Доргели, Штул, Хнов – в Дагестане), переизбирали сельсоветы, восстанавливали институт старост, фиксировались факты поджогов, погромов толпой помещений сельсоветов, квартир активистов, были факты срачивания с восставшими. Наибольшую активность в этом проявляла реакционная часть мусульманского духовенства.

Волна массовых организованных противостояний властям, как в стране, так и в северокавказском регионе продолжалась вплоть до середины 30-х годов. Дагестан в этом не был исключением. Только в 1930–1931 гг. в Дагестане была пресечена подрывная работа 178 группировок, в состав которых входило 1350 человек, локализовано 9 массовых вооруженных выступлений, в том числе и перечисленные выше - Дидоевское, Доргелинское, Штульское, Хновское и др. (Архив УФСБ по Ростовской области. Ф. ПП ОГПУ СКК и ДССР. Д. 63. Л. 1–3). В 1932 г. была разоблачена враждебная Советской власти деятельность 7 подпольных организаций, 38 группировок и 56 одиночек. В них в общей сложности участвовали 563 человека. Все они были арестованы и осуждены.

В то же время следует отметить, что после весны–лета 1930 г. антисоветские силы в стране и в северокавказском регионе несколько изменили тактику, стали действовать под девизом: «Учесть и не повторять ошибок прошлого, не выступать разрозненно, а устанавливать связи с соседними областями и республиками, готовить кадры для широкого повстанческого выступления» в момент ожидаемой ими интервенции или нового обострения внутреннего положения в стране (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 500. Л. 28; Архив УФСБ РФ по Ростовской области. Фонд ПП ОГПУ СКК и ДССР. Д. 122. Л. 211; Булатов И.Г., 1973. С. 59–60).

Группировки, ведущие подготовку к вооруженным выступлениям на такой случай, были раскрыты и в Дагестане: в Бабаюртовском, Гумбетовском, Казбековском, Хасавюртовском, Хунзахском, Щелковском, Рутульском, Дербентском, Касумкентском и Лакском районах. За период с сентября 1931 г. по август 1932 г. ими было совершено 19 террористических актов, в результате которых убито 14 человек из числа партийно-советского актива. За этот же период раскрыты и ликвидированы 3 повстанческие группировки.

Определенный вклад в осуществление экономической политики партии в 1920–1930 гг. внесли органы ЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД Дагестана.

Нельзя не отметить и такие парадоксальные факты, когда целый ряд сельских сходов (Ачикулакского, Гунибского, Ботлихского, Докузпаринского, Казбековского, Кайтагского, Касумкентского, Коркмаскалинского, Лакского, Чародинского, Хивского, Цумадинского и других районов) в те годы одобряли мероприятия по выселению. Более того, соответствующие районные комитеты ВКП(б) и райисполкомы возбуждали даже ходатайства об увеличении лимита выселяемых и включении своих районов в это число.

Так, например, секретарь Коркмаскалинского РК ВКП(б) Магомедов писал с определенной ноткой обиды: «... Почему-то Коркмаскалинский район не вошел в число районов, откуда выселяется кулачество. В районе большое количество кулачества, духовенства, членов семей офицеров царской армии и чиновников, которые ведут борьбу против мероприятий партии и правительства. Прошу вас учесть мою просьбу, подвергнуть часть кулацких хозяйств выселению» (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3161. Л. 111).

В отчете Северо-Кавказского краевого Комитета ВКП(б) за 1936 г. также отмечалось: «... чрезвычайно важным показателем является то, что осенью 1936 г. при выселении 1000 кулацких хозяйств из горных районов Дагестана и Чечни не только не было инцидентов, а, наоборот, имела место массовая поддержка этой меры со стороны горцев» (ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3200. Л. 14 об.).

Трудно предположить, что все это было плодами лукавства должностных лиц. Бесспорно и то, что при социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства существенные издержки, к сожалению, были допущены.

Коллективизация индивидуальных крестьянских хозяйств, проведенная в конце 1920-х–1930-х гг., была одной из трагических страниц нашей истории. Она сопровождалась разорением, массовым выселением трудолюбивых, умелых крестьян и их семей в отдаленные и малопригодные для жизни районы страны. Исторические исследования советского периода изображали противодействие крестьян коллективизации как «кулацкие мятежи», «кулацкий террор» и т.д. В действительности же речь шла о сопротивлении всех слоев крестьянства. Коллективизация, зачастую сопровождавшаяся «раскулачиванием далеко не только зажиточных крестьянских хозяйств, а не только кулаков, вызывала недовольство и сопротивление широких масс деревни. Подавляющее большинство крестьян, в том числе, и бедняков не хотели вступать в колхозы».

Недовольство крестьян, их сопротивление насильственной коллективизации и раскулачиванию принимали различные формы – как активные, так и пассивные. Они (сопротивления) происходили главным образом и, в основном, на почве насильственной коллективизации и раскулачивания. Даже официальные документы партийных, советских и карательных органов (ОГПУ, НКВД) признавали, что еще в январе 1930 года стали обнаруживаться признаки перерастания значительного числа массовых выступлений в упорные, длительные волнения. Признавалось также и то, что большинство крестьянских волнений непосредственно было связано с «перегибами» и насилием при коллективизации, «причем именно такие выступления являлись наиболее затяжными и сопровождалась избиениями и расправой толпы над активистами и советскими работниками» (Ивницкий Н.А., 1994. С. 143).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов Б.*, 1956. Организаторская работа партии по осуществлению кооперативного плана. М.
- Абуев М.*, 1959. Сельское хозяйство Дагестана на подъеме. Махачкала. Архив УФСБ РФ по Ростовской области. Фонд ПП ОГПУ СКК и ДССР. Д. 63, 122.
- Архив ФСБ РФ по РД. Фонд следственных дел. Д. 1632, 1685.
- Булатов И.Г.*, 1960. Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М.
- Булатов И.Г.*, 1973. Победа колхозного строя в Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев А.Г.*, 1959. Борьба за победу колхозного строя в Дагестанской АССР. Махачкала. Дагестанская правда. 1996. 16 марта.
- Дагестанская правда. 1996. 23 марта.
- Данилов В.П.*, 1957. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства СССР. М.
- Даниялов Г.Д.*, 1960. Социалистические преобразования в Дагестане (1921–1941 гг.). Махачкала.
- Даниялова Н.В.*, 1962. Социалистическая реконструкция народного хозяйства Дагестана (1926–1932 гг.). Махачкала. Звезда. 1930 г. № 1–2.
- Ивницкий Н.А.*, 1982. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.
- Ивницкий Н.А.*, 1994. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. Историко-географическая характеристика, административное устройство, развитие промышленности и сельского хозяйства Дагестана. 2006. Глава IV. Махачкала.
- Какагасанов Г.*, 2000. Искривления и перегибы в колхозном строительстве в Дагестане в 30-е годы // Дагестанская правда. № 229, 230.
- Какагасанов Г.И.*, 2000. Требования восставших не были удовлетворены // Дагестанская правда. № 231, 232.
- Какагасанов Г.И.*, 2011. Социальные противоречия в Дагестанском обществе в 20–50-е годы XX в. Махачкала.
- Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. 2007. Махачкала.
- Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР в двух частях. 1927–1940. 1978. Махачкала.

- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1970. Т. 4. М.
- Краев М.А.*, 1954. Победа колхозного строя в СССР. М.
- Лященко П.И.*, 1956. История народного хозяйства СССР. Т. 4. М.
- Муцалханов М.С., Махмудов Х.М.*, 1997. Дагестан в 30-е годы. Махачкала.
- Османов А.И.*, 1968. Комсомол Дагестана в годы коллективизации. Махачкала.
- Османов А.И.*, 1972. Ликвидация кулачества как класса в Дагестане. Махачкала.
- Османов Г.Г.*, 1961. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане (Краткий исторический очерк). Махачкала.
- Османов Г.Г.*, 1965. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М. Плановое хозяйство Дагестана. 1928 г. № 1–2.
- Совершенно секретно: Лубянка-Сталину. О положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 6. 2002. М.
- Советская деревня глазами ВЧК, ОГПУ, НКВД. 2003. Т. 3. Кн. 1. М.
- Сулейманов С.И.*, 2006. Верный страж государственной безопасности Отчизны. Махачкала.
- Сулейманов С.И.*, 2006. Верный страж государственной безопасности Отчизны. Махачкала.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. 2000. Т. 2. М.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. 2001. Т. 3. М.
- ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 212, 436.
- ЦГА РД. 800-р. Оп. 2. Д. 15, 16.
- ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 9. Д. 164.
- Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 8. Д. 134, 500.
- Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 848, 1118, 1129, 1131, 1303, 1309, 3161, 1327, 1800, 3200.